

УДК 80; 81-13; 81'42; 82:1; 821

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-70-80

О ПРИНЦИПАХ МОДЕЛИРОВАНИЯ СВЕРХТЕКСТА

Лошаков А.Г.

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
филиал в г. Северодвинск
164500, ул. Капитана Воронина, д. 6, г. Северодвинск, Архангельская область,
Российская Федерация*

Аннотация. Моделирование сверхтекста должно проходить в координатах, заданных такими инстанциями, как внетекстовая структура, ценностная позиция субъекта творческой деятельности, его смысловая установка. Данные инстанции определяют содержание следующих принципов моделирования сверхтекста: принцип смысловой координации между сверхтекстовой реальностью и внетекстовой реальностью, которые образуют органическое единство; принцип диалогического взаимодействия между внетекстовой структурой и коллективным творческим сознанием; принцип непрерывности текстопорождающего процесса; принципы архитектоники и трансгрессии. Сверхтекст представляет собой не только целостное, но и системное образование, порождающее структуру, тем самым определяется значимость для теории сверхтекста принципа системности. Содержание данных принципов раскрывается на примере северного, ломоносовского и пушкинского сверхтекстов.

Ключевые слова: сверхтекст, принципы сверхтекста, внетекстовая структура, концептосфера, системность, трансгрессия, архитектоника сверхтекста.

PRINCIPLES OF SUPERTEXT MODELING

A. Loshakov

*Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch
6 Voronina st., Severodvinsk, 164500, Russian Federation*

Abstract. Supertext modeling should take place in the coordinates specified by the following factors: non-textual structure, value position of the subject of the creative action and his semantic setting. Such factors determine certain principles of supertext modeling: the principle of conceptual co-ordination between supertext and non-text reality, which form the intrinsic unity; the principle of the dialogue-type interaction between non-textual structure and collective creative conscious; the principle of the continuity of text generating process; principles of architectonics and transgression. The supertext is not only holistic but also a systematic phenomenon, which generates structure; by that, the importance of consistency principle is emphasized. The content of the above principles is demonstrated with the help of several supertexts: Northern Russian Literature, Lomonosov and Pushkin supertexts.

Key words: supertext, supertext principles, non-textual structure, conceptosphere, consistency, transgression, cortex architectonics.

© СС ВУ Лошаков А.Г., 2018.

Для теории сверхтекста, шире – макротекстовеждения, вопросы о понятийной сущности сверхтекста, содержании принципов организации его внешней и внутренней структур, его значимости для национального менталитета и находящегося с ним в отношениях генетико-исторической взаимобусловленности социокультурного пространства, продолжают сохранять свою актуальность. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные публикации последнего десятилетия, посвящённые разным типам сверхтекстов – локальным, именным, журнальным и др. [см, например: 6; 8; 10; 14; 15; 16; 21]. Ввиду многоаспектности изучаемого явления, уточняются известные положения о сущностных свойствах сверхтекста, описанные в уже ставших классическими трудах В.Н. Топорова [19]; Н.А. Купиной и Г.И. Битенской [7], Н.Е. Меднис [11] и др., и, как следствие, корректируются предложенные ими его определения.

В нашем понимании сверхтекст представляет собой общность (парадигму) текстов, в которой посредством тех или иных культурно-языковых кодов и сообразных им стилистических стратегий конструируется модель мира отмеченной целостностью внетекстовой структуры (денотата-концепта), которая априори обладает смыслом и в силу этого субъектностью и интенциональностью – способностью коммуницировать и аффицировать, детерминированной включением в её бытие субъектов текстовой деятельности.

Как явствует из определения, важнейшим принципом моделирования сверхтекста является принцип смысловой координации между сверхтекстовой реальностью и стоящей за нею

внетекстовой структурой – целостного фрагмента мира, преисполненного смыслом и ценностями. Иначе говоря, признания того, что реальность сверхтекстовая и реальность внеположная ей представляют собой *органическое* единство, между ними существуют генетические, исторически сложившиеся концептуально-языковые связи и отношения, в силу чего обе они характеризуются неповторимым своеобразием. По словам Э.Г. Аветяна, «субъективное вырастает из объективного и направляется им ... Текст генерирован сущностью, а сущность реализована в тексте» [1, с. 3, 11]. Важно подчеркнуть, что роль внетекстовой структуры, прецедентного мифологизированного локуса, как фактора порождения локального сверхтекста (Петербургского текста) была раскрыта Топоровым [19, с. 3]. Признак общей внетекстовой ориентации разрозненных текстов как доминантный указывается в определении сверхтекста, предложенном Н.Е. Меднис [11, с. 9], которое наиболее часто цитируется в филологических и культурологических исследованиях.

Обозначенной соотнесённостью, в частности, объясняется известный изоморфизм тематических, модально-оценочных, мотивно-образных, хронотопических словесных рядов, сюжетных схем, функционирующих в текстах, которые, несмотря на их принадлежность разным авторам, эпохам, литературным направлениям, оказываются втянутыми в пространство сверхтекста. Поэтому закономерно, что ведущим средством межтекстовой связи на уровне сверхтекста исследователи называют повтор [3, с. 65].

Внетекстовая структура – это не только пространство живой реальности, носящей черты индивидуальности (субъект возможностей), но и субъект воздействия на творческое, культуросозидающее сознание, инициатор текстопорождения, в русле которого в конкретных текстах реализуются её формообразовательные силы (образный, мифогенный и эмоциогенный потенциал), получают избирательную словесную репрезентацию (символизацию) её ценностно-смысловые контексты, те или иные её локусы (зрительные, слуховые, осязательные и др.). Как и в языке, в свертхтексте нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент (текст, субтекст, словесный ряд, сюжетное звено) проявляет себя как часть целого, вариант актуализируемого инварианта. Оба они: и свертхтекст и внетекстовая структура, порождающая его, ведущая с ним и его реципиентом опосредованный диалог, – обладают единой органической концептосферой, между частями которой происходит постоянный обмен смысловой энергией. «Обращённость к слушателю всегда предполагала одновременную обращённость к трансцендентному источнику речи – Богу. Память и воображение – неотъемлемые свойства концепта, направленного на понимание здесь и сейчас, с одной стороны, а с другой – он есть синтез трёх способностей души и как акт памяти ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее» [12, с. 30]. Так, единство духовной тональности словесно-образного строя, скажем, Северного текста русской литературы обязано своей внеположной смыслопорождающей инстанции – Русскому

Северу (топосной структуре), поэтому этот свертхтекст должно мыслить как символическое выражение ценностной сущности Русского Севера, его «внутренней формы» (В. Гумбольдт), как логосную форму его бытия [14].

Такое понимание смысловой координации двух реальностей соответствует особенностям органического, контекстуального мышления, для которого первичны взаимоотношения между целым и частью, оплодотворённой целым. «Границы различных объектов вторичны, ... свойства частей – не внутренне присущие им свойства: они могут быть поняты только в контексте более крупного целого» [2, с. 184]. Об этом же в своё время писал В. Гумбольдт, характеризуя внутренние свойства языка как такового, истоки его изобразительности и экспрессивности: «Язык при этом не просто переносит какую-то неопределённую массу материальных элементов из природы в нашу душу; он несёт в себе ещё и то, что предстаёт нам во всей совокупности бытия как форма. ... язык приближает его [человека] к пониманию запечатлённой в природе всеобщей формы, в которой тоже ведь можно видеть развёртывание – пускай непостижимое – духовных сил» [5, с. 81]. В нашем же случае речь идёт о том, что определённая, существующая в своих границах, целостная внетекстовая структура, особый многогранный мир, преломляясь в тело свертхтекста, наделяет его индивидуальными особенностями (языковыми, поэтическими, аксиологическими). Так, например, украинский вариант гоголевского текста, описанный в диссертационном исследовании М.А. Кушнерёвой, произрастает из «образа-мифологемы

Н. Гоголя», обладающего признаками семантического пространства, в котором аккумулированы устойчивые смыслы, культурные ассоциации и прецедентные феномены, что обуславливает его открытость для творческой деятельности, рефлексии всё новых и новых авторов [8, с. 6].

Таким образом, внетекстовая структура, стоящая за сверхтекстом, хотя и главная, но не единственная координата, требующая учёта при моделировании сверхтекста, описании устройства его внутреннего пространства, которое, говоря словами Топорова, ««сильнее» любого внешнего пространства» [20, с. 284]. В числе других принципов следует назвать принцип диалогических отношений между внетекстовой структурой и коллективным творческим сознанием; принцип непрерывной кумуляции текстов в пространстве сверхтекста.

Множественное «я» коллективного субъекта, которое ведёт диалог с внетекстовой структурой и претворяет её содержание в сверхтекст, – это вторая инстанция, ответственная за его идентификационные свойства и его «внутреннюю жизнь». Взаимодействуя с внетекстовой структурой, постигая и отображая особенности её бытия в парадигме текстов, проявляя при этом эстетическое начало и логосные потенции, коллективное сознание («призма субъективности») конституирует третью инстанцию – модально-ценностную пресуппозицию коллективного субъекта текстовой деятельности, из которой исходит антитетичная в своей сущности «максимальная смысловая установка» (В.Н. Топоров) сверхтекста. В силу действия этого нормативно-регулятивного установления происходит

направленный отбор определённых стилистических стратегий, смысловых оппозиций и контрверзов, выдвижение в качестве приоритетных тех или иных ценностно-смысловых контекстов и соподчинение всех этих элементов основной целевой установке. Как справедливо подчёркивает Л.М. Гаврилина, развивая мысль М.М. Бахтина о сущности архитектоники, в сверхтексте «взаимодействие двух противоположных и противостоящих друг другу начал является не условно-случайным, а сущностно обусловленным» и, следовательно, обеспечивающим его целостность [4, с. 108].

Принцип архитектоники, экстраполированный на концепцию сверхтекста, отражает «борьбу, противостояние двух начал: силы и тяжести, несущих и несомых частей сооружения, которое выглядит надёжным, жизнеспособным, психологически устойчивым и эстетически привлекательным. Когда мы говорим об архитектонике локального сверхтекста, мы имеем в виду именно такое устойчивое, неслучайное, «воззрительно необходимое» расположение и связь конкретных частей и элементов целого» [4, с. 108]. Так, сверхсмысловые установки ломоносовского и пушкинского текстов, мотивированные высоким аксиологическим статусом соответствующих им персонических внетекстовых структур – жизнью и творчеством Ломоносова и Пушкина, реализуются посредством контрадикторных стилистических стратегий – сакрализации и профанации. И если стратегии сакрального диапазона (мифологизация, канонизация, «эталонизация» и др.) служат цели утверждения и продвижения во времени и пространстве об-

разов этих прецедентных личностей, воплотивших в себе свойства национального идеала (гениальность, образцовая оригинальность таланта, дар прозрения, патриотизм, народность, духовность, чувство ответственности за национальное достоинство народа, равновеликость миру, мужественность, честность, свободолюбие, великодушие и др.), то, напротив, стратегии профанирующего и пуристического регистров выражают стремление авторов очистить эти образы от мифических, идеализирующих смысловых наслоений (десакрализация, демифологизация), от литературных и идеологических штампов и стереотипов (деканонизация). Крайним проявлением последней тенденции является снижение, обытовление и опошление того и другого образа – невольная или намеренная демонстрация оскорбительного, а то и кощунственного (с позиции традиционализма) отношения к ним и памяти о них. В связи со сказанным отметим, что, например, пародийный субтекст ломоносовского текста, представленный, в частности, произведениями А. Сумарокова, И. Баркова, М. Хераскова, ориентирован не только на «текст творчества» Ломоносова, но и на его «текст жизни». Так, в сумароковской пародии «Дифирамв» обнаруживаются оскорбительные намёки на пристрастие Ломоносова к Бахусу: «Крепчайших вин горю в жару, / Во исступлении пылаю: / В лучах мой ум блистает солнца, / Усугубляя силу их» [17, с. 97]. Несмотря на то что этот субтекст прочно привязан к контексту литературной борьбы середины XVIII в., тем не менее он сохраняет свою актуальность и на синхроническом уровне существования сверхтекста, выполняя

в нём роль содержательно-ценностного фона, мотивирующего основания при осмыслении, например, тех эпизодов романа М.К. Попова «Свиток», в которых изображаются непростые отношения Ломоносова с Тредиаковским и Сумароковым: «Ах, плутни! Ах, каналы! Уж не сами ли Васька с Алексашкой, применившись к Шумахеру, предложили сей коварный план? С них станется, особливо с Васьки – не зря же в отрочестве с иезуитами обретался. Никак не может смириться, что не он первый...» [13, с. 295].

Сверхтекст представляет собой как целостное, так и системное, самоорганизующееся, т. е. порождающее структуру (формальную организацию) образование. По словам Аветяна, «корень единства и принцип единообразного моделирования – в характере порождающей субстанции. ... Основной генерирующий принцип – первозданная духовность, внедряющая себя в естественный материал» [1, с. 167]. Так, системность ломоносовского текста есть следствие непрерывной вербализации духовной сущности феномена Ломоносова, осуществляемой в литературно-художественной (и не только) деятельности русских поэтов и писателей. Ценность структуры сверхтекста в первую очередь заключается в том, что элементы каждого её уровня, по отдельности и вкуче, являются реализаторами смысла, следовательно, структурные страты надо мыслить в качестве факторов, обеспечивающих устойчивость сверхтекстовой системы, её сохранность и модально-смысловое единство. Смысловая значимость каждой единицы сверхтекста должна определяться, выводиться из

целого, в горизонте «целевого» смысла сверхтекста.

Стратификация структуры того же Ломоносовского текста может производиться с учётом разных критериев, но главным условием тем не менее остаётся признание того, что «структурная организованность – эмпирическая реальность системы» [1, с. 165], а выделяемые в многослойной материи сверхтекста уровни – это факторы, обеспечивающие его структуре устойчивость, а самому сверхтексту целостность и сохранность, модально-смысловое единство. Многоуровневый характер системы сверхтекста обеспечивает переход от непрерывного к прерывному [ср. 9, с. 324]. Основными уровнями данного сверхтекста, на наш взгляд, являются следующие: *денотативный* (текст жизни и текст творчества Ломоносова как внетекстовая структура), *прототекстовый* (мифогенные документальные, автобиографические и биографические тексты), *субтекстовый* (жанровые, «направленческие», авторские и др. парадигмы текстов). Также следует говорить о мифической и мифопоэтической составляющих (константах) данного сверхтекста. Каждый из уровней находится в непосредственной соотнесённости с концептосферой сверхтекста, обладает своей прагматикой, семантикой, синтактикой, парадигматикой и, следовательно, может выступать относительно самостоятельным предметом исследования. Объективированные в сверхтексте смыслы-ценности служат системной основой для развития и функционирования национального персонического концепта «Ломоносов», для обособления и профилирования его художественного аспекта.

Ещё один принцип организации сверхтекста – принцип трансгрессии, объясняющий когнитивно-рецептивные особенности его идентификации и осмысления, возникающие на линии «сверхтекст – текст» метатекстовые взаимоотношения. Смысловая трансгрессия проявляется в ситуации, когда при восприятии того или иного «возможного мира» авторского текста в нём с разной степенью отчётливости начинает проступать многогранная духовно-эстетическая реальность сверхтекста (его образ). Как результат – текст оказывается втянутым в орбиту сверхтекста, насквозь пронизанным его смысловыми излучениями, прошитым его ключевыми образами, мотивами, сюжетами, коннотациями, что создаёт эффект смысловой глубины текста. И, разумеется, только исследователь может, что называется продвигаясь по проступающим в тексте дискретным метонимическим знакам целого, реконструировать сверхтекст, воссоздать его структуру, выявить его связи и отношения с данным текстом (субтекстом), изучить его генетический экспрессивно-смысловой потенциал (субстрат). Об этом свойстве писал Топоров, когда характеризовал сильное энергетическое поле Петербургского текста. Сверхтекст, по его мысли, втягивает в себя «множественно-различное», индивидуально-вариантное, оценочное и преобразует всё это в плоть и дух единого текста [19, с. 9].

Таким образом, под смысловой трансгрессией понимается актуальная направленность автономного текста к преодолению границ собственной целостности, их расширению за счёт других текстов и утверждению себя в

качестве компонента новой целостности – это с одной стороны, а с другой – способность сверхтекста преодолевать границы автономных текстов, утверждать их субтекстовый статус в рамках своей целостности. Трансгрессия как принцип организации единого смыслового пространства сверхтекста (единой континуальной художественной картины мира) проявляет себя в *направленной* ассоциативно-смысловой актуализации определённого ряда текстов, в экспликации их парадигмальных связей и отношений, благодаря ей интенсифицируются процессы интеграции, транспонирования смыслов, метатропеизации, смыслового сгущения слова и т. д. Трансгрессивными по своей сути являются такие выделенные Топоровым категориальные признаки сверхтекста, как кросс-жанровость, кросс-темпоральность, кросс-персональность [19, с. 26, 27, 85]. При этом подчеркнём: вызываемая трансгрессией дисперсия смысла вовсе не лишает конкретный текст смысловой целостности (как считает, например, Н.Д. Артамонова [18]), она определяет новый уровень (сверхтекстовый) и новый контекст для его осмысления (обусловленный кореференцией к единому денотату-концепту интегрируемых в сверхтекст текстов, их актуализированными транстекстуальными связями).

В именных, локальных, событийных сверхтекстах дискретный способ представления цельности внетекстовой структуры осуществляется посредством словесных рядов, включающих прецедентные для того или иного локуса, события или персоны имена, «памятные места», ситуации, а также соответствующие коннотативирован-

ные элементы (маркеры сверхтекста), например, ими могут быть единицы диалектной речи, того или иного идиостиля, номинации пространственно-ландшафтных объектов, ключевые слова, образы, мотивы, сюжеты. Чем больше плотность сверхтекстовых маркёров-коннотаторов в тексте, тем весомее их позиция, тем сильнее, интенсивнее происходит в нём эффект трансгрессии, обуславливающий интеграцию текста в пространство сверхтекста и, следовательно, порождение смыслов. Исходя из сказанного, сверхтекст может быть определён как такая текстовая формация, в рамках которой в ряду самостоятельных текстов, соотносящихся с единым концептом-денотатом (внетекстовой структурой), интенциональным образом осуществляется семантическая трансгрессия, которая приводит к устранению их внешних границ, актуализации словесно-образного инварианта, созданию единого кросс-жанрового, кросс-темпорального, кросс-персонального художественного (семиоэстетического) пространства.

Итак, изучение разных типов сверхтекста, разработка адекватных методик его анализа с учётом его конститутивных свойств и многоаспектного содержания сможет приблизить нас к «созданию обобщающих исследований, формирующих полное и адекватное представление о разнообразии и богатстве русской картины мира, отображённой в художественном творчестве» [16, с. 132]. Поскольку в текстовой деятельности внетекстовая структура имеет свойство быть постоянно «разворачиваемой» и интерпретируемой, являть себя в новых и новых смысловых ипостасях, постоль-

ку теория сверхтекста должна базироваться на принципе множественности моделей, постулирующем возможность построения не одной, а нескольких моделей изучаемого объекта на основе разного набора его исходных признаков. Это позволит получить наиболее полное и непротиворечивое представление о сущности данного сверхсемантического феномена. Анализ как сверхтекста, так и любого его субтекста должен проходить в координатах, заданных как внетекстовой структурой, так и таким инстанциями, как «Я» субъекта текстовой деятельности;

антитетичная сверхсмысловая установка, а также с опорой на принципы системности; смысловой координации внетекстовой и сверхтекстовой реальности, инвариантного и вариантного; диалогического характера отношений между внетекстовой структурой и коллективным творческим сознанием; итеративной кумуляции интегрируемых в сверхтекст текстов; архитектоники; трансгрессии.

*Статья поступила в редакцию
16.08.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Аветян Э.Г. Семиотика и лингвистика. Ереван: Издательство Ереванского университета, 1989. 286 с.
2. Арабаджи Д.М. Между сакральным и профанным: сборник статей. Одесса: Друк, 2009. 224 с.
3. Волкова Зл.Н. Текст и сверхтекст в эпосе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1. С. 59–69.
4. Гаврилина Л.М. Архитектоника локального сверхтекста культуры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 104–111.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
6. Костырева О.В. Средства создания целостности коллективно-авторского сверхтекста журнала «Сатирикон» // Перспективы развития современной филологии: материалы IV международной научной конференции. 1–2 июня 2012 г., Санкт-Петербург. СПб.: Открытие, 2012. С. 6–12.
7. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура: коллективная монография / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1994. С. 214–233.
8. Кушнерёва М.А. Гоголевский текст в украинской литературе второй половины XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 2017. 21 с.
9. Леви-Стросс К. Мифологии: в 4 т. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 406 с.
10. Лошаков А.Г., Шушарин И.А. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 117–127.
11. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. 170 с.
12. Неретина С.С. Тропы и концепты. М.: ИФРАН, 1999. 277 с.
13. Попов М.К. Свиток. Архангельск: Правда Севера, 2006. 656 с.
14. Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. 410 с.

15. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. 237 с.
16. Старыгина Н.Н. Система локальных свертхтекстов русской литературы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2017. № 3 (95). Ч. 2. С. 129–136.
17. Сумароков А.П. Дифирамб // Русская стихотворная пародия (XIII–начало XX в.) / вступ. статья, подг. текста и прим. А.А. Морозова. Л.: Советский писатель, 1960. С. 97–98.
18. Текст остаётся текстом? (круглый стол) / Лошаков А.Г., Папуша И.С., Беглова Е.И., Бойцова О.Ю., Ширинянц А.А., Гуторов В.А., Халикова Н.В., Симашко Т.В., Швецова В.М., Герасименко Н.А., Шаповалова Т. е., Муратова Е.Ю., Акулова А.А., Леденёва В.В., Артамонова Ю.Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 03.05.2018).
19. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб., 2003. 616 с.
20. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–285.
21. Шилина А.Г. Русскоязычный женский журнал Украины в аспекте теории текста (синергетический анализ): монография. Симферополь: Антикава, 2012. 280 с.

REFERENCES

1. Avetyan E.G. Semiotika i lingvistika [Semiotics and linguistics]. Yerevan, Yerevan State University Publ., 1989. 286 p.
2. Arabadzhi D.M. Mezhdru sakral'nym i profannym: sbornik statei [Between the sacred and the profane: a collection of articles]. Odessa, Druk Publ., 2009. 224 p.
3. Volkova Zl.N. [Text and supertext in the epic]. In: Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin RUDN University .Language Studies, Semiotics and Semantics], 2016, no. 1, pp. 59–69.
4. Gavrilina L.M. [Architectonics of local supertext of culture]. In: Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2016, no. 3, pp. 104–111.
5. Humboldt W. fon. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 2000. 400 p.
6. Kostyreva O.V. [Means of creating the integrity of the collective and author's supertext of the journal "Satirikon"]. In: Perspektivy razvitiya sovremennoi filologii: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 1–2 iyunya 2012 g., Sankt-Peterburg [Perspectives of development of the modern Philology: materials of 4th international scientific conference. June 1–2, 2012, Saint Petersburg]. St. Petersburg, Otkrytie Publ., 2012. pp. 6–12.
7. Kupina N.A., Bitenskaya G.V. [Supertext and its variants]. In: Chelovek – tekst – kultura [Human – text – culture]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 1994. pp. 214–233.
8. Kushnereva M.A. Gogolevskii tekst v ukrainskoi literature vtoroi poloviny XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Gogol text in the Ukrainian literature of the second half of the twentieth century: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Kiev, 2017. 21 p.
9. Levi-Strauss C. Mifologiki: v 4 t. T. 1. Syroe i prigotovlennoe [Mythologiques: in 4 vol. Vol. 1. The Raw and the Cooked]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1999.. 406 p.

10. Loshakov A.G., Shusharin I.A. [Prolegomena to the concept of the Pushkin text of the Russian literature]. In: Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], 2016, no. 5, pp. 117–127.
11. Mednis N.E. Sverkhteksty v russkoi literature [Supertexts in the Russian literature]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2003. 170 p.
12. Neretina S.S. Tropy i kontsepty [Tropes and concepts]. Moscow, IFRAN Publ., 1999. 277 p.
13. Popov M.K. Svitok [Scroll]. Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ., 2006. 656 p.
14. Galimova E.Sh., Loshakov A.G., comp., chief ed. Severnyi tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa. T. 1 [Northern text as a logos form of the existence of the Russian North. Vol. 1]. Arkhangel'sk, Imidzh-Press Publ., 2017. 410 p.
15. Anisimov K.V., chief ed. Sibirskii tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve [Siberian text in the national narrative space]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2010. 237 p.
16. Starygina N.N. [The system of local supertexts of the Russian literature]. In: Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. Yakovleva [Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2017, no. 3 (95), iss. 2, pp. 129–136.
17. Sumarokov A.P. [Dithyram]. In: Russkaya stikhotvornaya parodiya (XIII–nachalo XX v.) [Russian poetic parody (18th –beginning of 20th century)]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1960. pp. 97–98.
18. Loshakov A.G., Papusha I.S., Beglova E.I., Boitsova O.Yu., Shirinyants A.A., Gutorov V.A., Khalikova N.V., Simashko T.V., Shvetsova V.M., Gerasimenko N.A., Shapovalova T.E., Muratova E.Yu., Akulova A.A., Ledeneva V.V., Artamonova Yu.D. [Does the text remain the text? (round table)]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal) [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2017, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 03.05.2018).
19. Toporov V.N. Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbrannye trudy [Petersburg text of the Russian literature. Selected works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2003. 616 p.
20. Toporov V.N. [Space and text]. In: Tekst: semantika i struktura [Text: semantics and structure]. Moscow, Nauka Publ., 1983. pp. 227–285.
21. Shilina A.G. Russkoyazychnyi zhenskii zhurnal Ukrainy v aspekte teorii teksta (sinergeticheskii analiz) [Russian-language women's magazine of Ukraine in the aspect of text theory (synergetic analysis)]. Simferopol, Antikva Publ., 2012. 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лошаков Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске;
e-mail: a.loshakov@narfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr G. Loshakov – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of Literature and Russian Language, Humanitarian Institute of Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk Branch;
e-mail: a.loshakov@narfu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лошаков А.Г. О принципах моделирования сверттекста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 70–80.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-70-80

FOR CITATION

Loshakov A.G. Principles of supertext modeling. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 70–80.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-70-80